

МОЛОДЕЖЬ В ПОЛИТИКЕ: РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

YOUTH IN POLITICS: A REGIONAL DIMENSION

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-159-171

Научная статья / Research article

Локальная идентичность городской молодежи: основные компоненты и место в системе социальных идентичностей (на материалах эмпирического исследования городской молодежи Краснодарского края)¹

И.В. Самаркина, И.С. Башмаков

Кубанский государственный университет,
Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию локальной идентичности городской молодежи, которая проявляется в повседневном взаимодействии с городским сообществом, его социально-политическими институтами, приезжими и влияет на уровень общественно-политического участия, наличие конструктивных гражданских практик. Целью является выявление и описание основных компонентов и места локальной (городской) идентичности молодежи в системе социальных идентичностей на примере крупных и средних городов Краснодарского края (Краснодар, Новороссийск, Сочи и Армавир). Эмпирическую базу исследования составили стенограммы фокус-групп, проведенных с различными группами молодежи (школьниками, студентами и работающей молодежью). Для верификации концептуальной модели также применялся модифицированный вариант методики Куна–Макпартленда. На основе проведенного эмпирического исследования выявлено место локальной идентичности в системе социальных и территориальных идентичностей городской молодежи; показана зависимость размера города и когорты молодежи с локальной идентичностью. Определены такие компоненты локальной идентичности молодежи, как осведомленность о городе и его социально-политической жизни, отношение к представителям других сообществ, ощущение своей причастности к жизни в городе, стремление остаться и жить в городе, желание работать на благо города, участвовать в его общественно-политической жизни. Исследование позволило выявить валентность идентичности молодежи (негативную, нейтральную, позитивную). Описаны траектории пространственной мобильности молодежи, влияющие на степень актуализации и валентность локальной идентичности. Установлена зависимость степени актуализации локальной идентичности молодежи от участия в общественной и политической активности на благо города и региона, участия в деятельности общественных и политических организаций.

© Самаркина И.В., Башмаков И.С., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ключевые слова: субъективное пространство политики, локальная идентичность, городская идентичность, социальная идентичность, социально-политические практики, молодежь

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Краснодарского края в рамках научного проекта № 19-411-235002 «Локальная идентичность как ресурс вовлеченности молодежи большого и крупного города в конструктивные социально-политические практики (на материалах Краснодарского края)».

Для цитирования: Самаркина И.В., Башмаков И.С. Локальная идентичность городской молодежи: основные компоненты и место в системе социальных идентичностей (на материалах эмпирического исследования городской молодежи Краснодарского края) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 159–171. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-159-171

Key Identity Features of Urban Youth: The Case of Krasnodar Krai

I.V. Samarkina, I.S. Bashmakov

Kuban State University,
Krasnodar, Russian Federation

Abstract. This article is devoted to the study of urban youth local identity in a large and medium city. This identity is manifested in everyday interaction with the urban community, its socio-political institutions and visitors and affect the level of public and political participation, the presence of constructive civic practices. The aim is to identify and describe the main components and place of local youth identity in the system of social identities in large and medium-sized cities of Krasnodar krai (Krasnodar, Novorossiysk, Sochi and Armavir). The empirical basis of the study was made up of focus group transcripts conducted with various groups of young people (schoolchildren, students, and working youth). To verify the conceptual model a modified version of the Kuhn-McPartland method was used. On the basis of the conducted empirical research, the place of local identity in the system of urban youth social and territorial identities was revealed. The dependence between the size of a city and a cohort of young people and a local identity was shown. Such components of young people local identity as awareness of the city and its socio-political life, attitude towards representatives of other communities, a sense of their involvement in city life, the desire to stay and live in the city, the will to work for the benefit of the city, to participate in its socio-political life. The study made it possible to identify the valence of youth identity (negative, neutral, positive). The trajectories of young people spatial mobility that affect the degree of actualization and valence of local identity were also described. The dependence between the strength of youth local identity and participation in public and political activity for the benefit of the city and the region, participation in the activities of public and political organizations has been revealed.

Keywords: subjective space of politics, local identity, urban identity, social identity, socio-political practices, youth

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR and administration of Krasnodar Territory, project number 19-411-235002 “Local identity as a resource for the involvement of youth of a big and large city in constructive socio-political practices (based on materials from the Krasnodar Territory)”.

For citation: Samarkina, I.V. & Bashmakov, I.S. (2021). Key Identity features of urban youth: The case of Krasnodar Krai. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 159–171. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-159-171

Введение

Молодежь отличается от остальных возрастных групп в плане восприятия окружающего мира, а также самих себя и обладает особенностями самосознания, представляя большой интерес для исследований в области идентичности. Большинство работ, посвященных различным уровням территориальной идентичности, не учитывают разницу между половозрастными, профессиональными, классовыми группами. Свою специфику имеет идентичность городской молодежи, проявляющаяся в повседневном взаимодействии с городским сообществом, его социально-политическими институтами, приезжими и влияющая на уровень общественно-политического участия, наличие конструктивных гражданских практик.

Целью работы является выявление и описание компонентов и места локальной идентичности молодежи в системе социальных идентичностей. В статье приводятся результаты, полученные в рамках коллективного исследования, посвященного локальной идентичности как ресурсу вовлеченности молодежи большого и крупного города в конструктивные социально-политические практики (на материалах Армавира, Новороссийска, Сочи и Краснодара).

Материалы и методы

Локальная идентичность представляет собой нижний уровень территориальной идентичности. Территориальная идентичность – это степень принадлежности, приобщения и переживания, которые человек или группа испытывают к определенному месту [Seamon, Sowers 2008]. В отечественной литературе локальная идентичность определяется как низовой уровень территориально-пространственной идентификации, связанный с чувством сопричастности человека с местом его проживания и/или происхождения [Назукина 2017: 512]. Локальная идентичность как часть пирамиды социальных идентичностей человека, во многом определяющей его практики, в том числе социально-политические, рассматривается как часть субъективного пространства политики [Самаркина 2017: 380] и требует интеграции ряда теоретических подходов для создания концептуальной модели исследования.

Понятие локальной идентичности в теоретическом плане соотносится с феноменологической традицией, сдвигающей фокус анализа на то, «что происходит в головах людей», оперирующей концептом «жизненного мира» (Э. Гуссерль) и позволяющей рассмотреть локальную идентичности как часть субъективного пространства личности и как результат восприятия субъектом событий и феноменов жизненного мира. Социокультурный подход к исследованию политической реальности позволяет интегрировать анализ

макрополитических процессов и их проекции на уровень индивида и сообществ, с которыми он себя соотносит. Объяснительная модель процесса актуализации и формирования локальной идентичности как части субъективного пространства политики в условиях сетевого общества строится на основе теории сетевого общества М. Кастельса. Концепция политических изменений И. Семененко, В. Лапкина дает инструментарий анализа «человека постмодерна», представителя «общества знаний» и носителя «гибридной идентичности», который может реализовывать свою политическую субъектность в многослойном формате политики. Детализация механизма формирования локальной идентичности проведена в рамках теории социальной перцепции (К. Брунер). На процесс и результат восприятия явлений и событий жизненного мира, репрезентаций их в индивидуальном и групповом сознании влияют различные факторы, в том числе физическое (территориальное, локальное) пространство жизненного мира и, конечно, особенности субъекта восприятия – молодежи.

Такой подход позволяет нам уточнить понятия локальной идентичности городской молодежи и городской идентичности молодежи. Исследуя локальную идентичность городской молодежи, мы отвечаем на вопрос о значимом для определения человека месте. Исследование городской идентичности молодежи позволяет нам выявить совокупность смыслов, эмоциональных и ценностных значений этой группы относительно конкретного места проживания.

Локальный уровень территориальной идентичности является недостаточно концептуализированным, однако в зарубежной науке имеется ряд работ, посвященных локальной идентичности и ее отдельным аспектам. К. Линч связывает локальную идентичность с идентичностью места [Lynch 1960], Юи-Фу Туан рассматривают ее как пространство значений и смыслов для его жителей [Tuun 1977]. При этом для описания локальной идентичности используются различные термины, например понятие городской (урбанизированной) идентичности [Oktaу 2002: 261–271] или соседской идентичности (связанной с районом в городе, где живет человек) [Bonaiuto et al. 1999: 331–352]. Ю. Шао выделяет в структуре локальной идентичности физический, социальный, чувственный, исторический аспекты¹. Ж. Бессьер отмечает, что локальная идентичность формируется под влиянием наличия местного наследия и способствует местной сплоченности, росту благополучия и местному развитию [Bessière 1998: 21–34]. Я. Нижман указывает на трудности формирования местной идентичности, связанные с глобализацией, миграцией, социальной мобильностью [Nijman 2007: 176–187]. Х. Бодер обращает внимание на проблему формирования городской принадлежности, общей для коренных жителей и приезжих, одним из способов решения которой может стать местный гражданский активизм [Bauder 2016: 252–271]. Также имеются исследования

---

¹ Shao Y. Local Identity Identification & Assessment the Theory, Methodology and Practice of Discovering Local Identity in Yantai, China. PhD Thesis, University of Sheffield. 2014.

локальной идентичности жителей отдельных городов [Keogan 2002: 223–253], взаимосвязи локальной идентичности и практик именованя улиц, сохранения памятников [Bass, Houghton 2018: 413] и возрождения локальных ритуалов [DiGregorio 2007: 441–465], локальной идентичности как фактора развития экономического потенциала сообщества [Rausch 2005: 122–137].

Концептуализация понятия локальной идентичности в отечественной науке отражена в работах И.Ю. Окунева [Окунев 2018: 18–25], Р.В. Евстифеева [Евстифеев 2017: 3–9], Е.В. Морозовой [Морозова, Улько 2008: 139–151]. Осмысление отдельных факторов, формирующих локальную идентичность, представлено в работах Н.Г. Федотовой [Федотова 2017: 32–49], Е. Г. Довбыша [Довбыш 2012: 111–118]. Проблемы теоретического осмысления и исследования отдельных аспектов городской идентичности представлены в работах Г.В. Горновой [Горнова 2018: 43–56], Н.С. Дягилевой [Дягилева 2013: 54–59], Е.О. Евсеенковой [Евсеенкова 2014: 80–86] и др.

Существующие исследования городской идентичности молодежи российских городов демонстрируют поиск адекватных существующей проблеме эмпирических методик и ориентированы преимущественно на количественные методы. О.И. Муравьева, С.А. Литвина, О.В. Кружкова и С.А. Богомаз, исследуя идентификацию молодежи в шести российских городах, выделили три вида структуры городской идентичности, отражающие различные параметры «шкалы идентификации с городом» М. Лалли (M. Lalli): «внешняя ценность», «общая привязанность», «связь с прошлым» и «восприятие близости» [Муравьева, Литвина, Кружкова, Богомаз 2017: 63–80]. Количественное исследование, в котором были опрошено более 1700 респондентов, позволило выявить те части жизненного мира молодежи, которые стали основаниями для идентификации с городом, и время, необходимое для формирования чувства сопричастности с городским пространством. Е.В. Недосека и Т.В. Ануфриева [Недосека, Ануфриева, 2015: 22–31] в массовом исследовании локальной идентичности г. Мурманска также используют метод массового опроса, акцентируя внимания на позитивных и негативных факторах, влияющих на восприятие города студентами двух вузов. Вместе с тем для ответов на исследовательские вопросы, обусловленные актуальными вызовами настоящего времени, требуется комплексная методика, сочетающая качественную и количественную стратегии исследования, но все же преимущественно ориентированная на выявление пока не понятных содержательных лакун.

Эмпирическую базу исследования составили стенограммы 16 фокус-групп, проведенных в марте-апреле 2020 г. с различными группами молодежи (школьниками, студентами и работающей молодежью). Для исследования места локальной идентичности в системе социальных идентичностей молодежи был использован модифицированный вариант методики Куна–Макпартленда.

Участникам фокус-групп предлагалось дать десять ответов на вопрос *кто Я?*, продолжив фразу *Я – это* в порядке убывания значимости. После обсуждения результатов модератор конкретизировал задание и просил участников

фокус-группы определить свою пространственную принадлежность, назвав три наиболее значимые территориальные идентичности. Первая часть методики (интерпретируемая в контексте материалов фокус-групповой дискуссии) нацелена на выявление актуальных социальных ролей (в иерархии социальных идентичностей), а вторая часть методики – на описание системы и иерархии территориальных идентичностей.

Результаты

Результаты исследования показывают, что территориальная принадлежность (гражданско-государственная, региональная, локальная) не входит в топ системы социальных идентичностей городской молодежи. Так, среди студентов и работающей молодежи в городе Армавире в иерархии социальных идентичностей городская принадлежность практически отсутствует. Более распространены варианты, связанные со страной в целом («гражданин, гражданка России», «патриот» или просто «Родина»). Полученные результаты свидетельствуют о том, что среди социальных идентичностей территориальные не имеют большого распространения. Молодежь ассоциирует себя с другими значимыми социальными ролями, связанными с семьей, профессией, хобби.

Территория, как идентификационный символ, становится важной лишь в случае возникновения дополнительных ассоциаций, создающих контекст для актуализации территориальной идентичности. Например, встречались ответы респондентов, связанные с любовью к родине («я – патриот своей страны»), гражданской ответственностью («я – ответственный гражданин страны»), общественной активностью с указанием конкретной территории или без него («я – активист родного города»). Анализ стенограмм фокус-групп позволяет высказать предположение о наличии аксиологического, ценностного механизма актуализации территориальных идентичностей всех уровней – от макроуровня до локальной идентичности.

Ситуация меняется в случае, если молодым людям задают вопрос о *месте*, которое имеет для них большее значение, к которому они привязаны. В этом случае локальная территория имеет важное значение, всегда упоминается, занимая, как правило, вторую или третью позиции в иерархии ответов участников исследования.

Выявлена связь между размером города и значимостью его для молодежи (место в системе территориальных идентичностей): чем меньше город, тем более значимым он является для проживающих в нем молодых людей. В нашем исследовании эта закономерность ярко продемонстрирована на примере Новороссийска (численность населения – 338 798 чел.). В ответах молодых людей из этого города на первом месте принадлежность к месту проживания встречается 18 раз (из них 16 раз соотносится с Новороссийском), на втором месте семь раз (из них пять – Новороссийск), на третьем 12 раз (из них

шесть – Новороссийск). В группе школьников локальная принадлежность отмечена в 37 ответах (Новороссийск и его районы встречаются 27 раз, то есть практически у всех 29 опрошенных), что является высоким показателем. По сравнению с ней гражданская идентичность встречается 17 раз, региональная – восемь раз, принадлежность к югу России – два раза. Очень похожая картина описана в Армавире (численность населения – 208 816 чел.). Прямо противоположная ситуация в Краснодаре (численность населения – 1 022 028 чел.). В столице Кубани молодежь реже всего упоминает город как в общей иерархии идентичности, так и в иерархии собственно территориальных принадлежностей.

Значимость локальной идентичности в системе социальных идентичностей максимальна для самой младшей возрастной группы молодежи (школьников) и минимальна для самой мобильной группы молодежи (студентов). Эта закономерность выявлена во всех исследуемых городах, кроме Краснодара. Для школьников Сочи, Новороссийска и Армавира непосредственное место проживания (город или его район) в качестве идентификационного ориентира является более распространенным, чем для других категорий молодежи. Даже в более крупном по сравнению с Новороссийском и Армавиром городе – Сочи (численность населения – 524 023 чел.) в иерархии территориальных принадлежностей у школьников преобладает сочинская или иная локальная идентичность (10 упоминаний), а не общероссийская гражданская (четыре раза) или региональная (0 ответов). Причем ответы, связанные с Сочи как местом идентификации, идут на первом и втором местах в иерархии.

Школьники Краснодара, напротив, реже всего называли территорию как основу для принадлежности. При этом упоминалась только принадлежность к стране. Также они редко упоминали Краснодар и в иерархии территориальных принадлежностей. На первом месте – общероссийская идентичность (пять упоминаний), только дважды упоминается город и его районы. Вторую позицию занимают также два варианта, связанных со страной или национальностью, два упоминания региона, а также два раза упоминается город. Лишь на третьем месте в иерархии локальная принадлежность у школьников встречается чаще (три упоминания).

Большой космополитизм (идентификация со страной, гипотетическим местом или миром в целом) характерен для студенчества во всех городах, как самой мобильной группы молодежи, в связи с предыдущим переездом на новое место учебы или будущими карьерными устремлениями в других городах и странах. Объектами пространственной идентификации студенческой молодежи выступают: мир в целом, города и места, где хотелось бы жить или бывать (Нью-Йорк, Калифорния и др.). В группе студентов гражданско-территориальные, национальные или локальные принадлежности менее выражены по сравнению со школьниками и работающей молодежью.

Промежуточное положение среди возрастных когорт молодежи занимает работающая молодежь. Некоторые вариации наблюдались в ходе исследования

в разных городах. Например, для работающей молодежи Новороссийска более характерна гражданская принадлежность (четыре ответа из шести) и принадлежность к миру в целом (три раза). В Сочи, напротив, локальная принадлежность чаще упоминается в ответах работающей молодежи, которая встречается даже в общей иерархии социальных принадлежностей (всего четыре упоминания, что больше ответов, связанных с другими территориальными принадлежностями).

Обсуждение

Исследование позволило выявить и дифференцировать содержательные составляющие локальной идентичности городской молодежи, выделить ее когнитивные, аффективные (эмоциональные) и поведенческие аспекты (осведомленность о городе и его социально-политической жизни, отношение к представителям других сообществ, ощущение своей причастности к жизни в городе, стремление остаться и жить в городе, желание работать на благо города, участвовать в его общественно-политической жизни).

Вовлеченность в локальные практики, городские проекты актуализирует локальную идентичность. Краснодарские школьники – участники исследования (в большинстве своем не являющиеся активистами, не вовлеченные в подобные практики) – отличались от своих сверстников из других городов меньшим интересом к общественно-политическим событиям города, его истории, культуре и природе.

Напротив, вовлеченность в реальные практики актуализирует не только субъектную позицию участников, но и чувство сопричастности месту и людям, для которых делаются добрые дела: *«Ты вдруг начинаешь понимать, что радостные лица, эмоции и хорошее настроение многих десятков людей вокруг тебя – детей, молодежи, взрослых – это благодаря тому, что сделали мы!»* (Армавир, школьники).

Особенностью восприятия Других городской молодежью Краснодарского края является то, что Другими выступают приезжие, соответственно отношение к ним оказалось достаточно сдержанным (за исключением небольшого Армавира). Например, для Новороссийска, как крупного портового, привлекательного для туристов города, характерно более критическое или даже негативное отношение к приезжим: *«Мне кажется, к туристам относятся двояко, потому что некоторые люди зарабатывают на этом, но все равно слышны высказывания в адрес приезжих, что типа приехали, много народу летом* (Новороссийск, студенты).

Исследование позволило нам выявить преобладающий эмоционально-оценочный фон идентификационных характеристик, валентность идентичности (негативную, нейтральную, позитивную). Положительное отношение к своему городу, ощущение причастности к городской жизни наблюдается практически во всех городах и возрастных группах молодежи: *«Даже в принципе, если ты приезжаешь сюда на 5 дней, не можешь себя чувствовать*

чужим. Здесь сам город очень принимает и располагает» (Сочи, работающая молодежь). Важным фактором социализации в новой среде является, по мнению молодежи, именно общественная активность: *«Я не сразу чувствовала себя нужной, своей, пока не начала заниматься чем-то полезным... И когда принадлежишь к какой-то группе и делаешь что-то полезное, ты чувствуешь, что нужен. И чувствуешь себя своим, в своей тарелке, частью этого города»* (Сочи, студенческая молодежь).

На материалах фокус-групп мы выявили траектории пространственной мобильности молодежи, содержащие различные пространственные комбинации трех ключевых точек, соответствующих основным потребностям, задачам, которые молодежь решает на этом жизненном этапе: получение общего образования в школе, получение профессионального образования в вузе/ссузе, вузе, трудоустройство.

Первая траектория предполагает реализацию каждого из перечисленных шагов в новом пространственном окружении (два переезда: из сельского или городского муниципалитета в другой город для получения профессионального образования, а затем – в более крупный город для трудоустройства): *«...Сочи какой-то тихий, размеренный город. Просто вот эта курортная жизнь, мне она не нравится. Да и образование, если оно не связано с туризмом и курортами, нужно получать не здесь. Поэтому, наверное, Краснодар, а потом – Москва»* (Сочи, школьники).

Во второй траектории старт и получение профессионального образования происходят в одном пространстве, а затем молодой человек планирует переезд в другой (более крупный город) для поиска работы: *«Для меня Новороссийск – город маленький, поэтому для работы хочу переехать ...Питер, Москва»* (Новороссийск, студенты).

В рамках третьей траектории молодой человек переезжает из города в более крупный город для получения образования, а затем возвращается в родной город для трудоустройства.

Четвертая траектория не предполагает пространственного перемещения (общее образование, профессиональное образование и трудоустройство в одном городе): *«В Армавире можно оставаться хоть на всю жизнь»* (Армавир, студенты).

Заключение

Локальная идентичность представляет собой компонент субъективного пространства политики, входящий в систему социальных идентичностей и выступающий основанием для формирования иных уровней и видов идентичностей.

Территориальная принадлежность не является одной из самых значимых для молодежи, если речь идет о всех социальных ролях, что подтверждается редкой встречаемостью географического места как основы для идентификации в целом, а также локального сообщества в частности.

Исследование показывает, что чем меньше город, тем более значимым он является для проживающих в нем молодых людей. В столице Кубани молодежь реже всего упоминала город как в общей иерархии идентичности, так и в иерархии собственно территориальных принадлежностей.

Для школьников (за исключением Краснодара) непосредственное место проживания (город или его район) в качестве идентификационного ориентира является более частым, чем для других категорий молодежи. Напротив, больший космополитизм (идентификация со страной, гипотетическим местом или миром в целом) характерен для студенчества во всех городах.

Исследование позволило выявить валентность идентичности молодежи (негативную, нейтральную, позитивную). Положительное отношение к своему городу, ощущение причастности к городской жизни наблюдается практически во всех городах и возрастных группах молодежи.

У представителей молодежи, которые задействованы в общественной и политической активности на благо города и региона, участвуют в деятельности общественных и политических организаций в ходе проведенных исследований был выявлен более высокий уровень знаний о том, что происходит в городе, позитивная ориентация на деятельность на благо города и стремление остаться или вернуться жить в городе даже после обучения или карьерного роста в других городах.

Поступила в редакцию / Received: 20.10.2020

Принята к публикации / Accepted: 12.11.2020

Библиографический список

- Горнова Г. В. Соразмерность города и человека: проблемы формирования городской идентичности // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 3 (17). С. 43–56. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-3-43-56
- Довбыш Е. Г. Сетевые технологии формирования городской идентичности // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 4. С. 111–118.
- Дягилева Н. С. Теоретические аспекты городской идентичности // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы / под ред. А. М. Бритвина. Екатеринбург: УрФУ, 2013. С. 54–59.
- Евсеев Е. О. Модальность городской идентичности // Вестник Пермского научного центра УРО РАН. 2014. № 5. С. 80–86.
- Евстифеев Р. В. Исследования локальных идентичностей: теоретические подходы и перспективные направления // Научный результат. Социология и управление. 2017. № 2. С. 3–9. DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-2-3-9
- Морозова Е. В., Улько Е. В. Локальная идентичность: формы актуализации и типы // Политическая экспертиза: Политэкс. 2008. № 4. С. 139–151.
- Муравьева О. И., Литвина С. А., Кружкова О. В., Богомаз С. А. Особенности структуры идентичности с городом молодежи российских городов // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. № 1. С. 63–80.
- Назукина М. В. Локальная идентичность // Идентичность: Личность. Общество. Политика: энциклопедическое издание / под ред. И. С. Семенов. Москва: Весь Мир. 2017. С. 512–516.

- Недосека Е. В., Ануфриева Т. В. Особенности городской идентичности молодежи г. Мурманска // *Социология города*. 2015. № 3. С. 22–31.
- Окунев И. Ю. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий // *Сравнительная политика*. 2018. № 1. С. 18–25. DOI: 10.24411/2221-3279-2018-00002
- Самаркина И. В. Субъективное пространство политики // *Идентичность: Личность. Общество. Политика: энциклопедическое издание / под ред. И. С. Семененко*. Москва: Весь Мир, 2017. С. 380–385.
- Федотова Н. Г. Формирование городской идентичности: факторный и институциональный аспекты // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2017. № 20 (3). С. 32–49.
- Bass O., Houghton J. Street Names and Statues: The Identity Politics of Naming and Public Art in Contemporary Durban // *Urban Forum*. 2018. Vol. 29. No 4. P. 413.
- Bauder H. Possibilities of Urban Belonging // *Antipode*. 2016. Vol. 48. P. 252–271. DOI: 10.1111/ANTI.12174
- Bessière J. Local Development and Heritage: Traditional Food and Cuisine as Tourist Attractions in Rural Areas // *Sociologia Ruralis*. 1998. Vol. 38. No. 1. P. 21–34.
- Bonaiuto M., Aiello A., Perugini M., Bonnes M., Ercolani M. P. Multidimensional Perception of Residential Environment Quality and Neighbourhood Attachment in the Urban Environment // *Journal of Environmental Psychology*. 1999. No. 19. P. 331–352.
- DiGregorio M. Things Held in Common: Memory, Space and the Reconstitution of Community Life // *Journal of Southeast Asian Studies*. 2007. Vol. 38. P. 441–465. DOI: 10.1017/s0022463407000215
- Keogan K. A Sense of Place: The Politics of Immigration and the Symbolic Construction of Identity in Southern California and the New York Metropolitan Area // *Sociological Forum*. 2002. Vol. 17. No. 2. P. 223–253. DOI: 10.2307/3070325
- Lynch K. *The Image of the City*. Cambridge: MIT Press, 1960. 208 p.
- Nijman J. Locals, exiles and cosmopolitans: a theoretical argument about identity and place in Miami // *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*. 2007. Vol. 98. P. 176–187.
- Oktay D. The quest for urban identity in the changing context of the city // *Cities*. 2002. Vol. 19. No. 4. P. 261–271. DOI: 10.1016/S0264-2751(02)00023-9
- Rausch A. S. Local Identity, Cultural Commodities, and Development in Rural Japan: The Potential as Viewed by Cultural Producers and Local Residents // *International Journal of Japanese Sociology*. 2005. Vol. 14. P. 122–137. DOI: 10.1111/j.1475-6781.2005.00073.x
- Seamon D., Sowers J. Place and Placelessness, Edward Relph // *Key Texts in Human Geography / P. Hubbard, R. Kitchen, G. Vallentine (eds.)*. London: Sage, 2008. P. 43–51.
- Tuan Y.-F. *Space and Place: The Perspective of Experience*. London: Edward Arnold, 1977. 235 p.

References

- Bass, O., & Houghton, J. (2018). Street names and statues: The identity politics of naming and public art in contemporary durban. *Urban Forum*, 29(4): 413.
- Bauder, H. (2016). Possibilities of urban belonging. *Antipode*, 48: 252–271. DOI: 10.1111/ANTI.12174
- Bessière, J. (1998). Local development and heritage: Traditional food and cuisine as tourist attractions in rural areas. *Sociologia Ruralis*, 38(1): 21–34.
- Bonaiuto, M., Aiello, A., Perugini, M., Bonnes, M., & Ercolani, M. P. (1999). Multidimensional perception of residential environment quality and neighbourhood attachment in the urban environment. *Journal of Environmental Psychology*, 19: 331–352.

- Diaghileva, N. S. (2013). Theoretical aspects of urban identity. In A. M. Britvin (Ed.), *Branding of Small and Mediumsized Cities in Russia: Experience, Problems, Prospects*. Yekaterinburg: UrfU (pp. 54–59). (In Russian).
- DiGregorio, M. (2007). Things held in common: Memory, space and the reconstitution of community life. *Journal of Southeast Asian Studies*, 38: 441–465. DOI: 10.1017/s0022463407000215
- Dovbysh, E. G. (2012). Network technologies of shaping urban identity. *Human. Community. Management*, 4: 111–118. (In Russian).
- Evseenkova, E. O. (2014). The modality of urban identity. *Bulletin of the Perm Federal Research Centre Journal*, 5: 80–86. (In Russian).
- Evstifeev, R. V. (2017). Research of local identities: Theoretical approaches and perspective directions. *Research Result. Sociology and Management*, 2: 3–9. DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-2-3-9. (In Russian).
- Fedotova, N. (2017). The formation of urban identity: Factorial and institutional aspects. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 20(3): 32–49. (In Russian).
- Gornova, G. (2018). Harmony between the city and the man: Problems of forming city identity. *PRAXEMA. Journal of Visual Semiotics*, 3(17): 43–56. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-3-43-56. (In Russian).
- Keogan, K. (2002). A sense of place: The politics of immigration and the symbolic construction of identity in Southern California and the New York Metropolitan area. *Sociological Forum*, 17(2): 223–253. DOI: 10.2307/3070325
- Lynch, K. (1960). *The Image of the City*. Cambridge: MIT Press. 208 p.
- Morozova, E. V., & Ulko, E. V. (2008). Local identity: Forms of actualization and types. *Political expertise: POLITEX*, 4: 139–151. (In Russian).
- Muraveva, O. I., Litvina, S. A., Kruzhkova, O. V., & Bogomaz, S. A. (2017). Features of the structure of identity with the city of youth in Russian cities. *Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University*, 1: 63–80. (In Russian).
- Nazukina, M. V. (2017). Local Identity. In I. S. Semenenko (Ed.), *Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia*. Moscow: Ves Mir Publ. (pp. 512–516). (In Russian).
- Nedoseka, E. V., & Anufrieva, T. V. (2015). Features of urban identity of youth in Murmansk. *Sociology of the city*, 3: 22–31. (In Russian).
- Nijman, J. (2007). Locals, exiles and cosmopolitans: a theoretical argument about identity and place in Miami. *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*, 98: 176–187.
- Oktay, D. (2002). The quest for urban identity in the changing context of the city. *Cities*, 19(4): 261–271. DOI: 1016/S0264-2751(02)00023-9
- Okunev, I. Yu. (2018). Territorial and spatial identity: New approach to the basic concepts. *Comparative Politics Russia*, 1: 18–25. DOI: 10.24411/2221-3279-2018-00002. (In Russian).
- Rausch, A. S. (2005). Local identity, cultural commodities, and development in rural Japan: The potential as viewed by cultural producers and local residents. *International Journal of Japanese Sociology*, 14: 122–137. DOI: 10.1111/j.1475-6781.2005.00073.x
- Samarkina, I. V. (2017). Subjective space of politics. In I. S. Semenenko (Ed.), *Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia*. Moscow: Ves Mir Publ. (pp. 380–385). (In Russian).
- Seamon, D., & Sowers, J. (2008). Place and placelessness, Edward Relph. In P. Hubbard, R. Kitchen & G. Vallentine (Eds.), *Key Texts in Human Geography*. London: Sage (pp. 43–51).
- Tuan, Y.-F. (1977). *Space and Place: The Perspective of Experience*. London: Edward Arnold. 235 p.

Сведения об авторах:

Самаркина Ирина Владимировна – доктор политических наук, доцент, декан факультета управления и психологии, профессор кафедры государственной политики и государственного управления, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар (e-mail: smrkn@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0002-0205-8543).

Башмаков Игорь Станиславович – кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар (e-mail: igorbash87@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0002-5906-803X).

About the authors:

Samarkina Irina Vladimirovna – Doctor of Political Science, Associate Professor, Head of Management and Psychology Faculty, professor of Public policy and Public management Department, Kuban State University, Krasnodar, Russia (e-mail: smrkn@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0002-0205-8543).

Bashmakov Igor Stanislavovich – PhD in Political Science, Associate Professor of Public Policy and Public Management Department, Kuban State University, Krasnodar, Russia (e-mail: igorbash87@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0002-5906-803X).